

Источники и литература:

1. Adams, V. The Peace Corps in Action / V. Adams. – Chicago : Follett, 1964. – 318 p.
2. Drezner, D. Ideas, Bureaucratic Politics, and the Grafting of Foreign Policy / D. Drezner // American Journal of Political Science. – 2000. – Vol. 44, No. 4. – P. 733–749.
3. Lawrence, W.H. Peace Corps Plan Goes to Kennedy; Early Test Urged / W.H. Lawrence // The New York Times. – 1961. – January 8.
4. Oral History Interview with Stanley Andrews. – Harry S. Truman Library. – October 31, 1970.
5. Peace Corps: Diversity: Challenges and Opportunities [Electronic resource]. – Mode of access: https://files.peacecorps.gov/multimedia/pdf/media/PCTimes2008_08.pdf. – Date of access: 02.01.2020.
6. Peace Corps: Shriver report and recommendations, February 1961. Papers of John F. Kennedy. Presidential Papers. President's Office Files. Departments and Agencies [Electronic resource] // John F. Kennedy Library. – Mode of access: <https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/JFKPOF/085/JFKPOF-085-014>. – Date of access: 02.01.2020.
7. Raymond, J. Support for Youth Corps Found In June Testimony of U.S. Aide / J. Raymond // The New York Times. – 1960. – November 4.
8. Remarks of Senator John F. Kennedy, University of Michigan, October 14, 1960. University of Michigan, Student Union Building Steps, Ann Arbor, Michigan [Electronic resource]. – Mode of access: <http://peacecorpsonline.org/messages/messages/2629/4078.html>. – Date of access: 02.01.2020.
9. S. 2000, Peace Corps bill, introduced by Senator Hubert H. Humphrey, June 1, 1961 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.visitthecapitol.gov/exhibitions/artifact/s-2000-peace-corps-bill-introduced-senator-hubert-h-humphrey-june-1-1961>. – Date of access: 02.10.2020.
10. Salisbury, H. Kennedy Favors U.S. 'Peace Corps' to Work Abroad / H. Salisbury // The New York Times. – 1960. – November 3.
11. Schlesinger, A.A. Thousand Days. John F. Kennedy in the White House / A.A. Schlesinger. – Greenwich : Fawcett Pub., 1965. – 1087 p.
12. Sulzberger, C.L. Is the President is Asking Enough / C. L. Sulzberger // The New York Times. – 1961. – February 13.
13. The Department of State. Request for Establishment of the Peace Corps on a Permanent Basis: Message from the President (Kennedy) to the Congress, March 1, 1961 // American Foreign Policy. – 1961. – Department of State Publication 7808. Washington, D.C. : GPO, 1965. – P. 1302–1303.
14. U.S. Congress. House. Mutual Security Appropriations for 1961 (And Related Agencies). Hearings before the Subcommittee of the Committee on Appropriations, 86th Congress, 2nd Session. – Washington, D.C. : GPO, 1961. – 3081 p.

**КУБИНСКИЙ РАКЕТНЫЙ КРИЗИС В ОЦЕНКАХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ-ТРАДИЦИОНАЛИСТОВ 1960-х гг.**

Е.Г. Сакович (Минск)

Исследование истоков кубинского ракетного кризиса и инициатив Н.С. Хрущева и Дж. Кеннеди по его урегулированию в англоязычной историографии проводилось в контексте традиционалистского направления, господствовавшего в историографии «холодной войны» до первой полови-

ны 1960-х гг. Начало данному направлению в исследовании «холодной войны» положила статья Дж. Кеннана «Истоки советского поведения», которую он опубликовал под псевдонимом «Х» в журнале «Международные отношения» (*Foreign Affairs*) в 1947 г. В статье автор последовательно проводил в жизнь тезис об экспансионистском поведении СССР и предложил проводить политику сдерживания СССР [3, p. 854].

В научных кругах концепция, предложенная Дж. Кеннаном, вызвала активное обсуждение и неоднократно использовалась как политическими деятелями, так и исследователями для обоснования политики США по отношению к СССР.

В 1987 г. Дж. Кеннан в связи с 40-летием своей статьи в том же журнале опубликовал новую статью «Политика сдерживания: тогда и сейчас», в которой писал, что в научно-политической среде концепцию, предложенную им в 1947 г., репрезентировали как призыв к военной конфронтации с СССР. Дж. Кеннан подчеркивал, что в действительности в 1947 г. сдерживание он понимал исключительно как идеологическое противостояние двух сверхдержав [4, p. 829].

Традиционалисты, придерживавшиеся идеи ответственности СССР в начале и эскалации кризиса, сконцентрировали внимание на анализе мотивов СССР в размещении ракет на Кубе и рассмотрении поведения США во время кризиса.

Определяя специфику изучения проблематики традиционалистами, В. Мидленд писал, что работы ортодоксов по кубинскому кризису не являлись в прямом смысле научными исследованиями, так как были написаны не профессиональными историками, а политическими деятелями – Т. Соренсеном, М. Банди, А. Шлезингером, принимавшими участие в его урегулировании, и в работах отражали официальную позицию [5, p. 35].

Традиционалисты придерживались точки зрения, в соответствии с которой Н.С. Хрущев посредством создания ракетно-ядерного комплекса на Кубе начал политику «ядерного шантажа», чтобы заставить США пойти на переговоры по Западному Берлину. В оценках позиции США традиционалисты проявили единодушие и указывали на значимость инициатив Дж. Кеннеди в урегулировании кризиса.

Т. Соренсен и М. Банди полагали, что Н.С. Хрущев, разместив ракеты на Кубе, преследовал пять основных целей: проследить реакцию США в условиях «холодной войны»; отвлечь внимание США от Западного Берлина; защитить Кубу; решить проблему Западного Берлина в обмен на вывод воинского контингента США из Турции; изменить ядерный баланс между СССР и США. Авторы считали, что главная ошибка президента состояла только в том, что он пошел на поводу у СССР и втянул США вначале в «западноберлинскую» авантюру, а в 1962 г. – в «кубинскую» [9, p. 45; 2, p. 364].

Схожую точку зрения высказал А. Шлезингер, который в исследовании «Тысяча дней», посвященном биографии Дж. Кеннеди, выделял три мотива размещения советским лидером ракет на Кубе: стремление достичь ядерного паритета между СССР и США; решить проблему Западного Берлина; укрепить позиции в социалистическом лагере. Заслугу президента во время октябрьского противостояния на Кубе автор видел в том, что, во-первых, в отличие от советского лидера, он использовал исключительно дипломатические методы разрешения конфликта, во-вторых, заставил Н.С. Хрущева пересмотреть систему взаимоотношений Востока и Запада, и, в-третьих, представил «гибкий ответ» на «ужасный» вызов со стороны СССР [8, р. 56]. Рассматривая итоги кризиса, А. Шлезингер отмечал, что «кубинская авантюра» Н.С. Хрущева была изначально обречена на провал, так как являлась своеобразной реакцией советского лидера на комплекс нерешенных проблем, включая Западный Берлин и Китай [8, р. 400].

Не отрицая в целом провокационной политики СССР по отношению к США в 1962 г., У. Росту утверждал, что в большей степени ракетно-ядерная угроза США со стороны СССР в октябре 1962 г. была вызвана стремлением советского лидера сохранить инициативу в решении германского вопроса [7, р. 145].

У. Росту, положительно оценивая Дж. Кеннеди, писал, что президент не спешил отвечать на провокацию СССР такими же методами, а действовал взвешенно и решительно. Дж. Кеннеди не допускал стратегических ошибок и с политической прозорливостью пытался просчитать предполагаемые действия советской стороны [7, р. 146].

Истоки кризиса У. Росту видел в политике СССР в отношении Кубы после революции 1959 г. Кубинская революция создала иллюзию у советского лидера Н.С. Хрущева относительно перспектив коммунизации Кубы, которой отводилась роль первого звена в цепной реакции. Начало укрепления позиций СССР на Кубе ученый связывал с признанием в январе 1959 г. советским руководством Временного правительства Республики Куба и восстановлением в мае 1960 г. дипломатических отношений. Размещение ракет на Кубе в октябре 1962 г. исследователь оценивал как своеобразный устрашающий маневр для США [7, р. 146–148].

В середине 1960-х гг. в связи с тем, что состоялся междисциплинарный поворот, стало возможным осмысление кубинского ракетного кризиса в том числе и в теоретическом контексте на основе применения методов социологической и политологической наук.

Попытку рассмотреть кризис с позиций конфликтологии предпринял Дж. Нэтан в статье «Ракетный кризис: для проведения исследований теперь его самое лучшее время». Анализируя поведение Н.С. Хрущева и Дж. Кеннеди во время октябрьских событий на Кубе, ученый ввел понятие «кризисная дипломатия». При этом он подчеркивал, что и Н.С. Хрущев, и Дж. Кеннеди изначально не преследовали цель начать ядерное

столкновение и были заинтересованы в том, чтобы разрешить конфликт исключительно дипломатическими методами [6, p. 260].

Дж. Нэтан утверждал, что кубинский кризис являлся типичным проявлением политической игры и взаимоотношений во время «холодной войны» и считал, что возникновение и разрешение международных кризисов можно объяснить с помощью модели, основные положения которой заключались в следующем: кризисы – элементы системы международных отношений, которые являются результатом постоянного столкновения противоположных мнений и взглядов; имеют дуалистическую природу, которая проявляется в том, что, с одной стороны, они могут привести к открытому столкновению, с другой – предусматривают вариант мирного урегулирования; мирный исход кризисов во многом зависит от политических инициатив участвующих в нем сторон. В случае с кубинским кризисом многое определялось здравомыслящей и своевременной реакцией советского и американского лидеров на действия друг друга; самым действенным способом разрешения кризисов является дипломатия – сочетание силы и договора [6, p. 257–258].

С. Брэмс в работе «Игра супердержав. Использование игровой теории в исследовании конфликта супердержав» попытался спроецировать кубинский кризис на игровую теорию, которая изначально использовалась как метод в социологии, позволяющий рассмотреть возможные сценарии развития событий. Игровая теория направлена на анализ взаимодействия двух сторон, имеющих изначально два противоположных варианта поведения – взаимодействующего и конкурентного. В зависимости от результата игры делят по трем категориям: игры «с нулевой суммой» – выигрыш одной стороны равен проигрышу другой; с «ненулевой суммой» – выигрывают обе стороны; игры с «отрицательной суммой» – обе стороны проигрывают [1, p. 101].

В результате проведенного исследования С. Брэмс пришел к выводу, что угроза ядерного столкновения двух супердержав была сведена к нулю, так как и СССР, и США предпочитали активно апеллировать к идее «ядерной угрозы» только как средству сдерживания друг друга во время кризиса, несмотря на наличие у советской и американской сторон нескольких вариантов развития кризиса, предусматривающих применение силы в его разрешении.

Источники и литература:

1. Brams, S. Superpower Games: Applying Game Theory to Superpower Conflict / S. Brams. – New Haven : Yale University Press, 1985. – xvi, 176 p.
2. Bundy, M. The Presidency and the Peace / M. Bundy // Foreign Affairs. – 1964. – № 3. – P. 353–365.
3. Kennan, G. (X) The Sources of Soviet Conduct / G. Kennan // Foreign Affairs. – 1987. – № 4. – P. 852–868.
4. Kennan, G. Containment: 40 years Later / G. Kennan // Foreign Affairs. – 1987. – № 4. – P. 827–830.

5. Meadland, W. The Cuban Missile Crisis: Needless or Essential / W. Meadland. – New York : Praeger, 1988. – viii, 167 p.
6. Nathan, J. The Missile Crisis: His Finest Hour Now / J. Nathan // World Politics. – 1975. – № 2. – P. 256–281.
7. Rostow, W. The Diffusion of Power, an Essay in Recent History / W. Rostow. – New York : Macmillan, 1972. – xx, 739 p.
8. Schlesinger, A. Thousand Days: John F. Kennedy in the White House / A. Schlesinger. – Boston : Houghton Mifflin, 1965. – xiv, 1087 p.
9. Sorensen, T. Kennedy / T. Sorensen. – Frankfurt a. M., Wien, Zurich, Buchergilde, 1967. – 751 p.

ИСТОКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ФРГ И МОСКОВСКИЙ ДОГОВОР 1970 г.

А.А. Синдеев (Москва)

6 февраля 1951 г. К. Шумахер, лидер социал-демократической оппозиции в бундестаге, отвечая на полученные им ранее от канцлера «Размышления о современной ситуации», писал К. Аденауэру¹: «Германское единство не означает роста шансов России, если единство возникнет на демократической основе. Все зависит от того, чтобы это единство стало результатом демократического волеобразования... Предпосылками германского единства является не только выравнивание частного и общественного права с принципами западной свободы. [Предпосылки] исходят из того, что данная свобода сначала действительно будет создана в качестве постоянной (*unrevidierbar*). Властные средства государства, – констатировал К. Шумахер, – должны быть подняты во всех частях Германии на одинаковый уровень. В этом и в равенстве предпосылок для союзников заключаются условия, при которых могут быть сделаны решительные шаги в направлении объединения» [9]. Со временем ставка на потерю влияния Советского Союза в процессе объединения Германии, на постепенное возвращение свободы в восточногерманском обществе, усиленное укрепление демократических институтов на Западе страны, на повышение эффективности государственных аппаратов и на субъектность немцев, их готовность и способность решать германский вопрос, стали традиционными установками СДПГ, на которых затем успешно были выстроены «новая» аргументация Э. Бара в его тютцингской речи 1963 г. и «новая восточная политика» партии.

В связи с этим особый научный интерес представляют предратификационные политические дискуссии о Московском договоре между СССР и ФРГ, заключенном 12 августа 1970 г. Тогдашнему канцлеру В. Брандту принци-

¹ 20 февраля 1951 г. К. Шумахер и К. Аденауэр встретились для обсуждения данной проблематики, о чем газета «*Frankfurter Allgemeine Zeitung*» сообщила в номере от 21 февраля 1951 г. В СССР идеи К. Шумахера воспринимались с недоверием, считалось, что он выступает за создание выгодных условий для последующего нападения на страны народной демократии.